

Немецкая романтическая повесть

**Том 2. Арним, Brentано,
Эйхендорф, Клейст**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82
ББК 83
Н50

Н50 Немецкая романтическая повесть: Том 2. Арним, Brentано, Эйхендорф, Клейст / – М.: Книга по Требованию, 2015. – 499 с.

ISBN 978-5-458-69902-0

Немецкий романтизм конца XVIII — начала XIX в. представлял собой выдающееся культурно-философское и художественно-литературное движение. Его роль в становлении буржуазного мировоззрения — при всей своей двойственности — была исключительной. Поэзия и проза немецкого романтизма, будучи наиболее полным выражением мировоззрения немецких романтиков, которые именно в искусстве видели высшее выражение человеческого (т. е. их собственного, романтического) творчества, многими своими образцами вошли в немецкую классическую литературу, а через нее и в литературу мировую. Поэзия и проза немецких романтиков должны быть изучены еще и потому, что они сыграли большую роль в создании реализма, как господствующего стиля процветающей буржуазии середины XIX в. Все это делает вполне целесообразным ознакомление советского читателя с лучшими образцами немецкой романтической прозы, двухтомное собрание которых издательство выпускает в новых переводах.

ISBN 978-5-458-69902-0

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2015

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2015

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

ОТ ИЗДАТЕЛЬСТВА

Немецкий романтизм конца XVIII — начала XIX в. представлял собой выдающееся культурно-философское и художественно-литературное движение. Его роль в становлении буржуазного мировоззрения — при всей своей двойственности — была исключительной.

Не случайно это течение возникло в Германии в эпоху, непосредственно следующую за великой буржуазной революцией XVIII века во Франции. Оно было своеобразной реакцией со стороны слабой, отсталой и раздробленной немецкой буржуазии той эпохи на это поворотное событие в истории буржуазного общества.

В этой реакции исторически-прогрессивные черты неразрывно сливались с чертами регрессивными и прямо реакционными. С одной стороны немецкие романтики выдвигали самоопределение личности, переоценку культурных ценностей с точки зрения нового буржуазного сознания, принцип цельного, исчерпывающего познания и национальное начало, как символ пробуждения дремлющих в народной массе сил. С другой стороны, они замыкались в крайнем субъективизме, в то же время пытаясь воскресить авторитаризм отжившего феодального общества в противовес надвигающемуся миру капиталистической конкуренции, вели безоговорочную борьбу с рационализмом, приведшую значительную их часть к мистицизму, католицизму и культу сословности, и возводили в принцип полный отрыв теории от практики, к которой они отожделились с субъективно-идеалистическим высокомерием, как к голой эмпирии.

Все эти противоречия романтического сознания с необходимостью вытекали из его природы: немецкий романтизм — это, в основе своей, мелко-буржуазная оппозиция к капиталистическим отношениям, проводимая очень часто с реакционных позиций, — борющаяся против капиталистических отношений, но, одновременно, утверждавшая их поневоле и даже расчищавшая им почву.

Ориентируясь в наследстве, оставленном пролетариату буржуазным обществом, немецкий романтизм нельзя отвергнуть или обойти.

Наше внимание не могут не привлечь результаты, которые немецкий романтизм принес в искусстве, — в особенности в художественной литературе.

Поэзия и проза немецкого романтизма, будучи наиболее полным выражением мировоззрения немецких романтиков, которые именно в искусстве видели высшее выражение человеческого (т. е. их собственного, романтического) творчества, многими своими образцами вошли в немецкую классическую литературу, а через нее и в литературу мировую.

Поэзия и проза немецких романтиков должны быть изучены еще и потому, что они сыграли большую роль в создании реализма, как господствующего стиля процветающей буржуазии середины XIX в. Достаточно вспомнить Бальзака, Байрона, Пушкина, Гоголя и — что особенно существенно в данной связи — Гейне, чтобы убедиться, что реализм пришел к господству в художественной литературе прошлого века между прочим через преодоление романтизма (очень часто именно в том виде, в каком его разработали немецкие романтики), вобрав в себя многие его приемы изображения действительности и в целом ряде случаев восприняв от него отдельные черты действительности, впервые *реалистически* освещенные именно им.

Все это делает вполне целесообразным ознакомление советского читателя с лучшими образцами немецкой романтической прозы, двухтомное собрание которых издательство выпускает в новых переводах.

Подробную характеристику немецкого романтизма, как культурно-философского и художественно-литературного движения, читатель найдет в статье Н. Берковского „Немецкий романтизм и его проза“, открывающей 1-й том собрания, который по техническим причинам выйдет вслед за 2-м. Характеристика отдельных произведений дана в комментариях, которыми эти произведения снабжены.

АХИМ ФОН АРНИМ

ИЗАБЕЛЛА ЕГИПЕТСКАЯ

(Первая любовь императора Карла Пятого)

Брака, старая цыганка, одетая в истрепанный красный плащ, не успела промякнуть перед окном в третий раз свой Отче наш, что служило у нее условным знаком, как Белла, приоткрыв ставень, уже высунула свою милую темнокудрую голову с блестящими черными глазами на свет полного месяца, который, рдея, как полупотухший накал железа, только что стал подниматься из туманных вод Шельды, чтобы все ярче и ярче засиять чистым светом на небосклоне.

— Смотри, как мне улыбается ангел! — сказала Белла.

— Дитя, что ты видишь? — спросила старуха, вздрогнув от страха.

— Месяц, — отвечала Белла; — вот он опять взошел, а отец опять не вернулся домой. Старуха, этот раз отца слишком долго нет, но зато чудные сны я видела о нем прошлую ночь; я видела его на высоком троне в Египте, и птицы летали под ним; это утешило меня.

— Бедное ты мое дитя, — сказала Брака, — если бы то было правдой. А раздобыла ты что-нибудь поесть и попить?

— О, да, — отвечала Белла, — сосед отрясал свои яблони, много яблок попадало в ручей, я выудила их

там, где они застряли в корнях на излучине, да и отец перед уходом оставил мне краюху хлеба.

— И хорошо сделал,— заплакала старуха,— ему уже хлеба не нужно, они отняли не только хлеб у него.

— Милая бабушка, скажи, пожалуйста, не поранил ли себя отец, показывая фокусы? Проведи меня к нему, я позабочусь о нем. Где мой отец? Где мой герцог?

Так спрашивала Белла, вся дрожа, и слезы падали из ее глаз на твердые камни, блистая в сиянии месяца. Если б я был перелетной птицей, то опустился бы на землю и, обмакнув клюв, отнес бы их на небо: так горестны и так покорны его воле были эти слезы.

— Смотри,— захныкала старуха,— там, на горе стоит треножник, трехногий, но не треединный. Бог знать не знает его, хоть и зовется он высшим судом; кто миновал этот треножник, тот долго еще проживет; мясо, что поджаривается там солнцем, не кладут ни в какой горшок,— оно висит там, пока мы его не снимем. Будь покойна, бедное ты мое дитяtko, не кричи только,— то отец твой висит там наверху,— но только будь покойна, мы достанем его нынче ночью и бросим его в ручей со всеми почестями, что ему подобают, и поплывет он к своим в Египет, ведь умер же он в благочестивом паломничестве. Возьми вот это вино и горшочек с тушеным мясом, помани его одинокая, как подобает.

Белла в испуге чуть было не выпустила из рук то, что она протянула ей. Старуха продолжала:

— Держи же крепко, не вырони, не выплачь глаз себе, не забудь, что ты одна наша надежда теперь, что тебе дано вывести наших на родину, когда обет наш совершится; не забудь и о том, что теперь тебе все принадлежит, чем владел твой отец, — загляни только в его каморку — возьми вот ключ от нее, — там ты много найдешь. Да, чуть не забыла: давая мне ключ, он сказал, чтобы ты не боялась его черного Самсона, собака уже будет знать, что ей тебя надо слушаться, и больше уж не укусит тебя; он сказал еще вдобавок, чтобы ты не горевала, — он долго болел по родине, а теперь и вы-

здоровел, когда вернулся в родные края. Так говорил он — и вот тебе горшок молока, что я надоила у коровы на пастбище. Оно тоже для поминок. Покойной ночи, дитя!

Старуха пошла прочь, и Белла глядела ей вслед, словно на зловещее письмо, что от страха выпало у нее из рук, а все-таки хочется знать, что в нем написано; ей бы лучше пойти вместе с ней, но в печали своей она не решалась и робела грубого народа, с которым там встретится, как ни любила его.

Цыгане в ту пору подвергались преследованию, которое навлекли на них гонимые евреи, выдававшие себя за цыган, чтобы удержаться на месте, и они одичали в грехе; их герцог Михаил часто жаловался на то и пускал в ход всю свою мудрость, придумывая, как бы их снова объединить и вывести на родину. Данный ими обет идти до тех пор, куда им будут встречаться христиане, был свершен, ибо они уже вернулись из Испании с берегов океана; только желание попасть в Новый свет удерживало их в Старом, который перевозил туда лишь солдат и никаких паломников. Но вывести их назад в Египет при все возраставшем могуществе турок, при повсеместном преследовании, при недостатке денег было бесконечно трудно. Уже герцог старался обратиться к средствам к существованию то, что раньше являлось национальным их развлечением — испытания силы и ловкости, когда они поднимали на зубах тяжелые столы, поддерживая их в равновесии, когда они, прыгая, кувыркались в воздухе или же ходили на руках, словом все, что они показывали как свои цыганские фокусы; но, гонимые из одной страны в другую, они истощили этот источник дохода, и даже лучшие из них, когда уж и гадание больше не помогало, принуждены были воровать себе кусок для пропитания или довольствоваться мясом кротов, ежей и других зверей, на которых всякий в праве охотиться. Тогда впервые всем сердцем почувствовали они на себе кару за то, что изгнали святую мать Божию с младенцем

Иисусом и со старым Иосифом, когда те бежали к ним в Египет, ибо они не взгляделись в очи господни, но в грубом своем равнодушии приняли святое семейство за евреев, которым на вечные времена был воспрещен доступ в Египет за то, что они унесли с собой при исходе в Землю обетованную ссуженные им золотые и серебряные сосуды. Когда же позднее, при крестной смерти, они признали спасителя, которого отвергли при жизни его, то половина народа дала обет искупить свое жестокосердие паломничеством в даль до последних пределов, где только будут встречаться им христиане. Они потянулись через Малую Азию в Европу, захвативши с собой свои сокровища, и, покуда те не иссякли, повсюду им оказывалось гостеприимство; но горе всем беднякам на чужбине!

После этого необходимого пояснения возвратимся теперь к нашей повести. Новая толпа цыган, среди них Хаппи и Эмлер, пришла неделю назад из Франции без гроша в кармане; герцог решил тогда сам еще раз показать свои фокусы, чтобы заработать им на пропитание; он пошел вместе с ними в гостиницу, но, когда к общему восхищению понес он на руках и на плечах восемь человек, вдруг поднялись крики, что Хаппи схвачен, что он украл двух петухов на дворе и те выдали его своим криком, когда он собирался дать тягу, а что Михаил, сам герцог, лишь затем оставался в комнате, чтобы отвлечь внимание людей. Богатые гентские горожане не прощают ни малейшей кражи; напрасно притворялся герцог Михаил, будто он в ту же минуту готов был застрелить Хаппи — и сам он и Эмлер были посажены в тюрьму вместе с Хаппи и как воры присуждены к повешению: в те времена суровый закон против цыган давал право казнить их на месте, где они будут захвачены. Тщетно Михаил клялся перед судом в своей и Эмлеровой невинности, говоря:

— С нами поступают, как с мышами: чуть только одна мышь подгрызет сыр, как уже говорят, что мыши здесь побывали, и пойдет тут сплошная их травля и

ловля — так и нам, цыганам, теперь нет вернее убежища, чем виселица.

Это верное убежище было ему предоставлено законом, и он пролил горючие слезы со своей вышки на землю, что он, последний мужской наследник высокого рода, невинно гибнет такой позорной смертью; тут замкнулись его уста до дня страшного суда, когда он принесет свою жалобу на немилосердие богачей, для которых жизнь человеческая меньше стоит, чем сохранность их мертвых сокровищ; тогда веревка так же не пройдет сквозь игольное ушко, как и верблюд и богатые не войдут в небесное царство, где Белла вновь обретет своего отца.

Когда Белла снова пришла в себя, она воскликнула:

— Так вот что означал мой сон, что отец мой вознесется, да, и теперь он уже вознесся на небо и знает о нас или все или ничего.

Черный пес противу своих привычек переступил в это время порог каморки, улегся у ног Беллы и завыл.

— Так тебе тоже все известно, Самсон? — спросила она его, и собака кивнула головой. — Будешь теперь мне служить?

Собака снова кивнула головой, подбежала к окну и стала царапаться. Белла выглянула наружу, ставень оставался отворенным: она увидела вдали озаренное луной качающееся тело отца, и вдруг он опустился наземь.

— Теперь они его сняли, теперь они его поминают, и я должна его помянуть под открытым небом.

Взявши кружку вина и хлеб и сопровождаемая собакой, вошла она в запущенный сад; уже десять лет дом стоял необитаемым из-за привидений, ибо все это время он служил пристанищем для цыган, и владельца его, богатого городского купца, который приготовил его себе на лето, они отпугивали до тех пор, пока его самого не посадили в тюрьму за банкротство и над его имуществом для погашения долгов было назначено управление, которое вело дела с обычной в таких случаях нерадивостью. Теперь, под мечом правосудия, они жили там в полном спокойствии, только не смели днем

показываться наружу, ночью же всякий люд обходил их сторонкой.

Итак, бледная красавица вышла, как привидение, в наружную дверь, и сторож соседних садов при виде ее бегом бросился в дальнюю часовню, чтобы молитвой оградить себя от нечистой силы. Белла и не подозревала, что она кого-нибудь может напугать; печаль об утрате единственной своей надежды, отца, за которой она забыла о всем прочем, повергла ее в оцепенение; она помнила лишь о том, чтобы выполнить в точности наставления старой Браки; ее утешало только одно: что она чем-то может еще почтить своего отца. Итак, по поминальному обычаю своего народа, она расстелила свое покрывало на камне, поставила на него два кубка и две тарелки, разломила хлеб на две части, налила вина в оба кубка, чокнулась ими, осушила свой, а кубок покойника вылила в бегущий поток, который неподалеку от дома исчезал в Шельде. Когда она выливала в воду эту первую жертву, в волнах зашумело и поднялось что-то, словно большая рыба, которой тесно было в русле, вынырнула и всплыла на поверхность; месяц вышел из-за дома, и она увидела бледное лицо отца с короной на голове, которую надели на нее цыгане, перед тем как бросить его в поток. И когда драгоценное чело завертелось в водовороте, у бедного ребенка голова кругом пошла; она вообразила, что он еще жив, что он старается выбраться из потока; она прыгнула в воду и крепко схватила его в руки, а черный пес крепко схватил ее за юбку и уперся о берег; так удержал он лишившуюся чувств от горя девушку, которая не могла ни вынести труп на берег, ни уплыть вместе с ним в море. Наконец Брака вернулась и, не достучавшись, пробралась в сад, где словно окаменела при виде дивной картины: могучий Михаил в саване, с блестящей серебряной короной на голове, над ним бледная девушка с распущенными черными кудрями, черный пес с огненными глазами держит ее за платье. Старуха не могла удержаться от смеха, настолько диковинным это ей